

Л. В. ЧЕРЕПНИН

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В XIV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Вопрос о роли классовой борьбы в процессе ликвидации политической раздробленности и складывания единого Русского государства принадлежит к числу первостепенных, так как классовая борьба является важнейшим фактором, влияющим на изменение государственных форм. Однако сведений о классовой борьбе на Руси в XIV—первой половине XV в. в известных историкам источниках имеется не так уж много. Поэтому всякое новое известие воспринимается с большим интересом. Запас исторических фактов XIV—XV вв., которым располагают исследователи, в последние годы значительно пополнился благодаря находкам в Новгороде А. В. Арциховским и его сотрудниками берестяных грамот. Наряду с множеством самых разнообразных сведений, они содержат и некоторый материал о классовых противоречиях в новгородской деревне.

Ряд новгородских берестяных грамот, как удалось установить А. В. Арциховскому, представляет собой фрагменты вотчинного архива боярской фамилии Мишиничей-Онцифоровичей, складывавшегося на протяжении ряда поколений.¹ Работу по сведению

¹ Поскольку в дальнейшем мы будем ссылаться в тексте только на помера грамот, укажем их издания: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (№№ 1—10); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№№ 11—83); А. В. Арциховский и В. И. Борковский. 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (№№ 84—136); 2) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (№№ 137—194); 3) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (№№ 195—318); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963 (№№ 319—405). — Все комментарии А. В. Арциховского, на которые мы ссылаемся, даны вместе с текстами соответствующих грамот.

воедино остатков этого архива (на основе не только прямых указаний текста, но и палеографических данных, наблюдений за местом залегания грамот в земле, за окружающими их документами и т. д.) продолжил В. Л. Янин.² В настоящее время можно считать установленным, что 45 берестяных грамот связаны с представителями последовательных поколений фамилии Мишиничей-Онцифоровичей: Варфоломеем Юрьевичем, его сыном — Лукой Варфоломеевичем, сыном последнего — Онцифором Лукиничем, детьми Онцифора — Юрием, Максимом и Афанасием, сыном Юрия — Михаилом и внуками — Андреяном и Никитой Михайловичами.

Среди названных имен был ряд крупных новгородских политических деятелей. Варфоломей Юрьевич был посадником. В 1323 г. он участвовал в заключении договоров Новгорода с Ливонским орденом и Швецией, в 1326 г. — с Норвегией.³ Под 1331 г. летопись говорит о встрече им архиепископа Василия, приехавшего в Новгород из Москвы. В 1334 г. Варфоломей ездил в качестве новгородского посла к Ивану Калите. В 1342 г. Варфоломей умер.⁴

Лука Варфоломеевич упоминается в летописи под 1333 г. в качестве одного из новгородских послов в Торжок к Ивану Калите, наступавшему на Новгород. В 1342 г. Лука отправился с отрядом «холопов збоев» на Двину, где был убит. Очевидно, он пользовался известной популярностью среди черных людей, так как весть о его гибели вызвала восстание в Новгороде, причем восставшие обвинили в организации убийства Луки посадника Федора Даниловича.⁵

Онцифор Лукинич начал свою политическую деятельность с участия в походе, предпринятом его отцом (он с отдельным отрядом отправился на Волгу). После гибели отца он вернулся в Новгород и подал новгородскому правительству официальную жалобу на посадника Федора Даниловича и одного его сообщника в организации убийства Луки Варфоломеевича, а в то же время сам организовал движение против посадника. Движение было подавлено, и Онцифору пришлось бежать из Новгорода, но затем при посредничестве архиепископа Василия ему удалось примириться со своими противниками. В 1348 г. Онцифор успешно ходил во главе новгородской рати в Ижорскую землю против шведов. В 1351 г. Онцифор стал посадником, причем его избрание сопровождалось движением против его политического противника Федора Данилова и сообщников последнего. В 1354 г. Онцифор

² В. Л. Янин. Я послал тебе бересту..., М., 1965 (см. гл. 6—11).

³ ГВНЦ, стр. 65—70, №№ 37—39.

⁴ НПЛ, стр. 343—344, 346, 355.

⁵ Там же, стр. 345, 355, 356.

отказался от посадничества, по словам летописи — «по своей воли».⁶

Из сыновей Онцифора Лукиничча наибольшую известность получил Юрий. В 1376 г. он провожал в Москву к митрополиту архиепископа Алексея, в 1380 г. ездил в составе новгородского посольства к Дмитрию Донскому, в 1381 г. вел переговоры с литовским князем Ягайлом. В 1384 г. Юрий заложил каменный город Ям на Луге. В 1393 г. во время «розмирья» с московским великим князем Василием Дмитриевичем он участвовал в нападении на княжеские волости, а в 1401 г. побывал в качестве посла в Москве и Твери. С 1409 г. Юрий Онцифорович — посадник. В 1411 г. он участвовал в бою со шведами под Выборгом, в 1414 г. ездил послом в Литву. В 1417 г. Юрий Онцифорович умер.⁷

О братьях Юрия Онцифоровича известно мало. Об Афанасии мы знаем лишь по берестяной грамоте. Максим упомянут под 1376 г. в летописи в качестве одного из новгородских послов к московскому митрополиту.⁸

Сын Юрия Михаил в 1421 г. участвовал в оформлении мирного договора Великого Новгорода с Ливонским орденом.⁹ Политические биографии детей Михаила восстановить не удастся.

Таким образом, по крайней мере четыре представителя фамилии Мишиничей-Онцифоровичей были участниками бурных событий новгородской политической жизни и социальной борьбы. Но до сих пор мы не знали их как хозяев-вотчинников. Теперь этот пробел в наших знаниях восполняется.

Из 45 берестяных грамот одна исходит от Варфоломея Юрьевича (391); одна — от Луки Варфоломеевича (389); две — от Онцифора Лукиничча (354, 358). Адресованы или предназначены: Варфоломею — одна грамота (191); Варфоломею или Луке — одна (320); Онцифору Лукиниччу — девять (98, 99, 101, 102, 180, 325, 339, 345, 385); Юрию Онцифоровичу — восемь (94, 96, 97, 104, 167, 353, 362, 386); Юрию и Максиму Онцифоровичам — одна (370); Юрию и Афанасию Онцифоровичам — одна (273); Максиму Онцифоровичу — четыре (91, 271, 272, 279); Михаилу Юрьевичу — одиннадцать (157, 161, 162, 279, 299, 300, 301, 306, 308, 311, 313); жене Михаила Юрьевича Настасье с сыновьями Андреем и Никитой Михайловичами — одна (307). Три грамоты написаны от имени Максима Онцифоровича (177, 253, 290),

⁶ Там же, стр. 355, 356, 360, 362, 363. — В. Л. Янин считает, что Онцифор Лукинич был инициатором реформы государственного аппарата, вызвавшейся во введении коллективного посадничества (В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 185 и сл.).

⁷ НПЛ, стр. 374, 376, 378, 402, 404, 407; В. Л. Янин. Я послал тебе бесту... стр. 82; см. также: ГВНП, стр. 288, № 286.

⁸ НПЛ, стр. 373.

⁹ Там же, стр. 413; ГВНП, стр. 99, № 60.

одна — от имени Андреяна Михайловича (303). Документы, касающиеся других повгородских землевладельцев, дополняют материал архива Мишиничей-Онцифоровичей (23, 178, 242, 310, 314, 361 и др.).

По своему характеру документы весьма разнообразны. Это и личные письма землевладельцев, и донесения им их приказчиков и ключников, и крестьянские челобитные, и перечни крестьянских повинностей и долгов. Приказчики просят у господ указаний относительно сельскохозяйственных работ: «а рожь, осподине, велишь мне молотите, как укажешь» (242); «земля готова, надобе семяна, пришли, осподине, целовек спроста, а мы не смием имать ржи без твоего слова» (17). В одном из донесений говорится о ценах на хлеб: «Господину Юрию челом бее Ортъмка и Децца рожь продають по...» (97). В другом речь идет о разделе урожая между землевладельцем и половниками-издольщиками: «Было есми, осподинь, на Пустопь ржи, рожь есмь роздидило с Ольксои, с Гафанкомо. Нь много, осподинь, ржи на твою часть, два овина цътверти» (23). Есть указание о выдаче «найма» хлебом: «а найма даи коробию ржи» (191). Очевидно, имеется в виду хлебная ссуда (отсюда название в Русской Правде закупа «наймитом»). Это не единственный случай. Сохранилось также предписание Максима Онцифоровича: «Дать Мелеяну 8 деже, накладо и вешн. А ты, старосто, сбри» (253). Крестьянин получает ссуду хлебом под проценты. Староста должен проследить за ее возвратом.

В личных письмах землевладельцев чувствуется забота о сельском хозяйстве. Онцифор Лукинч дает указания своему человеку: «К житници свои замок приложи. А на гумни стои, коли молотять. А кони корми овсом...» (358). Некий Яков пишет Максиму Онцифоровичу: «Укупи ми, кланяяуся, овса у Ондрея, оже прода, возни у него грамату» (271). Варфоломей Юрьевич приказывает своим людям: «секите суко нмого (т. е. много, — Л. Ч.), а рожн много...» (391). Может быть, здесь речь идет о вырубке лесов под пашню. Имеются сведения о мельничном деле (167).

Замечательно выражение одной из берестяных грамот, подчеркивающее роль земледельческого хозяйства: «А земля сама ся окупить твоим здорвием» (104).

Наряду с документами, фиксирующими обязательства крестьян по хлебу, — долги по ссуде или оброчные недоимки (161, 162, 299, 320) — встретилась запись, указывающая, что один крестьянин свои недоимки погасил: «Ортимие не недоборнои» (325).

В одной берестяной грамоте (98) речь идет о разделе холопов: «... роба и холопо твои, дете мои».

Пожалуй, наибольшую ценность или во всяком случае одну из самых больших ценностей среди берестяных грамот представляют коллективные крестьянские челобитные. Их найдено 11. Обычные для них формулы обращения: «бшют челом» (157), «че-

лом биют» (313), «биютъ целом» (94), «чолом бею» (307), «чело биюте» (313), «цолом бею» (307), «цолобитье», «цълобитне» (242, 310), «поклон» (279, 361, 370), «поклоно» (273).

Челобитчики называют себя: «хрестяне», «хрестьяне», «хрестяни», «хрестяине», «хрестяни» (157, 307, 310, 311, 313), «крестьяне» (94), «половники» (242), «сироты» (370).

Особенно интересно, что в ряде челобитных коллективно выступают крестьяне определенной сельской местности: «хрестяне Череншани», «хрестяни Череншани» (157, 311), «поклон... от всех Панезерчев» (279), «хрестьяне Избопщане» (307), «хрестяни твои Смердыньский» (313), «поклон от Шижияи Побратиловиць» (361), «Поклоно... от всех Мравгици» (273).

Восемь челобитных из одиннадцати адресованы боярам вотчинникам — представителям одной фамилии, потомкам посадника Онцифора Лукшича: Юрию Онцифоровичу (94), Юрию и Афанасию Онцифоровичам (273), Юрию и Максиму Онцифоровичам (370), Максиму Онцифоровичу (279), Михаилу Юрьевичу (157, 311, 313), его жене Настасье с сыновьями Андреяном и Никитой Михайловичами (307). Из остальных трех челобитных одна не имеет адресата (242); одна (310) составлена на имя посадника Андрея Ивановича, против которого в Новгороде в 1421 г. вспыхнуло восстание; одна адресована какому-то вотчиннику Якову (361).

Коллективное челобитье — это легальная форма проведения в жизнь крестьянами своих интересов и выражения социального протеста. По этим челобитным можно судить и о положении крестьян, и о тех требованиях, которые они выдвигали перед своими господами.

Первый мотив, который звучит в челобитных, — это жалобы на обеднение части крестьянства, на отсутствие или недостаток у них рабочего скота, семян для посева и т. д.: «у кого коне, а те худе, а у них неть; как, осподине, жалуешь хрестьян» (242); «а нынеча есме, господине, погибли, верешь (хлеб) позябля, сеята, господине, нечего, а ести такоже нечего» (360). В последнем тексте выступает прямая связь между расстройством крестьянского хозяйства и неурожаями, столь частыми в Новгородской земле.

Данные челобитных о тяжелом экономическом положении части сельского населения подтверждаются и берестяными грамотами другого типа. В дефектной грамоте 353, представляющей собой донесение какого-то ключника или приказчика феодалу (как считает В. Л. Янин, — Юрию Онцифоровичу), читаем: «...ныне ту у вдовкиных детеи на тых сохах семян нету ни деже (мера вместимости, — Л. Ч.), ино не дашь кони ни семена... буде...».

Второй мотив, который повторяется в челобитных, — это жалобы на притеснения вотчинной администрации: приказчиков, ключников и т. д. Крестьяне бьют челом Юрию Онцифоровичу «о ключнике, заздо (по В. Л. Янину — «зане», потому что, —

Л. Ч.), — пишут они, — ... не можем ничим ему удобритися; ключник «буйнать», и они просят убрать его «с села» (94). В другой челобитной на имя того же Юрия и его брата Максима крестьяне («сироты») также жалуются на «клуцка» (ключника), который не блюдет их интересов, облагает их штрафами и поборами («за нас не стоть, нас продаеть, и окрадони от ного есми»). От указанных действий ключника «сироты» «погибли», они не могут больше терпеть его произвол («аже ему будеть сидити, намам сили ниту сидити») и просят дать им «смирного человека» (370). По-видимому, о каких-то злоупотреблениях приказчика или ключника говорит и дефектная челобитная 313: «Здесе, господине, у нас Глеб не по...»

Третий вопрос, поднимаемый челобитчиками, касается отказа крестьян от выполнения повинностей, мотивируемого бедностью, отсутствием хлеба и т. д. «Поеди, господине, по свою верешь, дать, господине не, г<осподи>не, е», т. е. «если ты, господин, приедешь за своим хлебом (вероятно, оброчным, — Ч. Л.), дать нам, господине, тебе нечего», — пишут «Шижняне Побратиловици» «господину Якову» (361).

Четвертый вопрос, которого касаются крестьяне, — это перенос, по требованию вотчинника и вотчинной администрации, приказничьего или крестьянских дворов, что затрагивало крестьянские интересы, возможно был связан с изменением величины крестьянского надела. «Хрестяне Черенщани» бьют челом боярину Михаилу Юрьевичу: «Чо еси, господине, велел нам переставливати двор, и ключник нам, господине, велит переставливати...» (157). Грамота дефектна, и ее конец до нас не дошел, но, очевидно, крестьяне заявляют протест по поводу перенесения двора.

Пятая причина недовольства крестьян — передача их вместе с землей землевладельцем другому феодалу. Те же «хрестяни Черенщани» выражают претензию своему господину Михаилу Юрьевичу: «што еси одода деревенеку Климецу Опарину, а мы его не хъtimo» (311).

Шестая тема челобитья — обсчет землевладельцами крестьян при их «отказах» и переходах от одного феодала к другому. Два крестьянина, Захарко и Нестерко, «жили» за Алексеем Щукою, а затем перешли в имение новгородского посадника Андрея Ивановича, но первый землевладелец захватил их хлеб («не хоче нам ржы дати»). Крестьяне просят нового господина взять их под защиту и помочь им получить то, что им принадлежит по закону: «како ся, осподине, нами, своими хрестяны, попецялише» (310).

Последнее, седьмое, на что жалуются крестьяне, — это судебный произвол и волокита. Их таскают по судам, причем часто по фальшивым «позовницам» (документам о вызове в суд), привлекают к судебной ответственности по фальшивым долговым записям: «и zde являється позовници ложивы, и здесе, осподо, являється рукописание лживыя» (307).

В крестьянских челобитных достаточно четко отражаются классовые противоречия в феодальной деревне и выступает то, что беспокоило и тревожило крестьян. Одной из характерных черт крестьянской психологии является наивная вера, что все их беды происходят главным образом от вотчинной администрации, а сам вотчинник является для них верховным судьей и защитой: «ен, как господь бог, далек от них, но на него вся надежда. «Надеемся, осподине, на бога и на тебя, на своего осподна» (310); «волен б[ог]ъ де и ты» (311). Однако в просительной и почтительный тон челобитных иногда вкрапливаются и требовательные нотки: «А мы его (нового господина, которому их передал прежний владелец, — Л. Ч.) не хъtimo» (311).

Подача крестьянами челобитных принимала массовый характер, и это вызывало у представителей господствующего класса беспокойство, так как от легальной формы защиты своих интересов крестьяне могли перейти к активному социальному протесту. «Паробок Кля» сообщил Михаилу Юрьевичу, что половина волости опустела, так как крестьяне оттуда разошлись, а те, кто остался, также хочет идти жаловаться и просить о снижении податей: «Како, осподине, пожалуеши. Волости половиня пуста, и которъ остался, ити хотя жалуби. Хотя, осподине, жалоби, цоби, осподине, подати оубавити. А тоби, своему осподино, цоломи бию» (301). Очевидно, здесь речь идет уже не о подаче челобитных господину, а о жалобе в суд (посадничий или вечевой) на вотчинную администрацию. Очевидно, это уже более сильная форма протеста по сравнению с челобитьем феодалу, от которого крестьяне были зависимы.¹⁰

Рассмотрим некоторые берестяные грамоты (помимо челобитных), в которых сохранились сведения о классовых противоречиях в феодальной деревне и различных проявлениях недовольства крестьян.

В берестяной грамоте № 102 говорится: «Поклоно о(т) Ф. еси велиле, велиле верше имати, творяце и виновати. Одину три коробен оув — Ыванка оузяле. Староста Олескаидрова погоста бееть целом, стобы еси, господине, окупили и[х] и с[]¹¹лово положили со мною, аже ти. . . окушити их, тны отошлии». В. Л. Янин полагает, что грамота была адресована новгородскому посаднику Онцифору Лукиничу.¹² Отправлена она была каким-то боярским приказчиком или ключником.

Смысл текста в значительной степени разъясняется в результате его сопоставления с двумя статьями Псковской судной гра-

¹⁰ Л. В. Черепнин. Новые данные по истории русского крестьянства XIV—XV вв. в новгородских берестяных грамотах. В сб.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России, М., 1961, стр. 38.

¹¹ Утраченный текст восстановлен предположительно.

¹² В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. . ., М., 1965, стр. 115.

моты (ст. 44 и 51). В ст. 44 сказано: «А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волю и взакличь своеи покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшевица ярой или озимой, и по отроку государеву или сам отречется». Это значит, что землевладелец имеет право требовать с зависимого от него крестьянина, огородника или рыболова, и без письменного документа, путем устной публичной огласки своей претензии, ссуды — денег и всякого хлеба (указывая, какого именно: пшеницы яровой или озимой), независимо от того, с чьей стороны состоялся отказ — землевладельца или же крестьянина, огородника или рыболова. Ст. 51 рассматривает тот случай, когда крестьянин станет отрицать факт получения ссуды от землевладельца, говоря: «я жил в твоём имении, но ничего тебе не должен» («А коли изорник имет заширатся у государя покруты, а молвит так: у тебе есмь на селе живал, а тебе есмь не виноват...»)¹³

Судя по берестяной грамоте 102 от боярина Онцифора Лукинична (или другого землевладельца), «отошлии» (т. е. «отказались», заявили об уходе) крестьяне. Он объявил их «виноватыми», т. е. должными ему, и распорядился насильно изъять у них «вершь» (хлеб). Ключник выполнил господское распоряжение применительно к одному крестьянину — Иванку, у которого были взяты три коробья зерна. Тогда в дело вмешался староста Александра погоста. Естественно возникает вопрос: причем он здесь? Может быть, ответ на этот вопрос поможет дать сопоставление берестяной грамоты 102 с княжескими грамотами середины XV в. об отказе белозерских серебрянников. У старосты Волочка Словенского была специальная грамота кн. Михаила Андреевича Белозерского, согласно которой он имел право принимать на черные земли из деревень Ферапонтова монастыря «половников в серебре», т. е. крестьян-издольщиков, задолжавших монастырю. Переход крестьян мог совершаться круглый год («межень лета и всегда»), причем переходившему в Волочок Словенский крестьянину давалась на два года рассрочка в уплате монастырского долга. Впоследствии эта грамота была отменена и условия крестьянского перехода стали более трудными.¹⁴

Можно думать, по аналогии, что староста Александрова погоста (где были черные, государственные земли) обратился к боярину через его ключника с челобитьем установить сумму откупа, который должны внести ушедшие в черный погост крестьяне, и дать им возможность со временем погасить долг. Перед нами картина борьбы между землевладельцем и крестьянами, возникшей на экономической почве. Средством борьбы является крестьянский отход. Староста местного погоста вынужден выступить на защиту крестьянских интересов.

¹³ ПРП, вып. II, стр. 292—293.

¹⁴ АСЭИ, т. III, стр. 307, № 326.

Имеются сведения об активном неповиновении крестьян приказу господина. В дефектной берестяной грамоте 345 сохранились слова: «...а звало есмь васо в городо, и вы моего слова нь послушали. А како приедуто по васо дворянь, тако будит». По месту находки и соседству с другими документами В. Л. Янин считает вероятным, что грамота написана посадником Онцифором Лукниничем.¹⁵ Общий смысл текста ясен. Боярин вызвал в Новгород своих крестьян, но они его не послушались, и он грозит отправить за ними специальных лиц из государственного административного аппарата (как посадник, он это может сделать сам). Некоторый свет на берестяную грамоту 345 проливают Новгородская и Псковская судные грамоты. Новгородская судная грамота говорит: «А кто кого позовет в селе позовкою или дворянином...». Следовательно, различаются две формы вызова в Новгород сельского населения: добровольно письмом и насильно через специальное лицо, облеченное полномочиями, — дворянина.¹⁶ Первый способ, к которому прибег Онцифор Лукнинич (если он подразумевается в берестяном акте 345), не подействовал. Крестьяне упорствовали. Он предупреждает их, что прибегнет ко второму способу. Более детально вопрос об уклонении виновного от явки на вызов по «позовнице» («студится от позывницы») рассматривает Псковская судная грамота.¹⁷ Это также иллюстрация к берестяной грамоте 345.

Мы не знаем, в чем заключалась вина крестьян Юрия Онцифоровича (или иного новгородского вотчинника). Но налицо сам факт их неповиновения господской власти и реакции на это боярина в виде угрозы применить насилие.

Неповиновение, вероятно, чаще всего выражалось в отказе от выполнения повинностей. С большими разрывами дошел до нас текст грамоты 352: «...андровичю сыну посадничю. Слуги твои, господине... моюку, што си, господине, хлебо велело и... тошомо, ино тото хлебо, господине, крестьяне перемо... господине, не слушали, а которые, господине, остат... ыты, господине, молотимо, да сыплемо, господине, в жы... ы хлеба, господине, перемолотили кретеяне».

В грамоте слишком много дефектных мест. Поэтому очень трудно восстановить ее связный текст. А. В. Арциховский относит грамоту к 20-м годам XV в. В 1421 г. умер посадник Александр Фоминич. В грамоте, по-видимому, упомянут его сын. Слуги последнего сообщают своему господину о ходе работ по обмолоту зерна в его вотчинах. К этому делу привлечены крестьяне, причем в грамоте имеется какое-то противоречие. С одной стороны, крестьяне оказывают неповиновение во время работ; с другой стороны, указывается, что они перемолотили хлеб.

¹⁵ В. Л. Янин. Я послал тебе бересту..., стр. 115.

¹⁶ ПРП, вып. II, стр. 218, ст. 47.

¹⁷ Там же, стр. 289, ст. 25.

Вероятно, противоречие это мнимое, возникающее у читателя лишь в силу того, что он имеет дело с дефектным текстом. Может быть, некоторый свет на содержание берестяной грамоты 352 может пролить уставная грамота митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю 1392 г. Она появилась в силу того, что монастырские «сироты» пожаловались митрополиту на своего игумена, который произвольно увеличивал барщину и оброк по сравнению с исконным вотчинным обычаем: «наряжает нам, господине, дело не по пошлине, чего, господине, при первых игуменах не бывало; пошлинны, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали». Митрополит произвел расследование, «какова пошлина в святом Константине, и как людем монастырским дело делати», и восстановил старые порядки. В числе крестьянских повинностей в грамоте Киприана фигурирует и обязанность «на семя рожь молотити».¹⁸

Может быть, и в берестяной грамоте 352 речь шла не вообще об отказе крестьян от работ, а о их борьбе за фиксированную ренту, т. е. о согласии выполнять повинности лишь в пределах издавна существующих в вотчине норм. Непослушание выразилось в нежелании работать сверх этого, и слуги вынуждены были уступить: крестьяне перемолотили то, что им полагалось, а обмолот остального слуги организовали уже на началах крестьянской барщины, может быть, руками дворовой челяди.

Активными формами классовой борьбы крестьян были: присвоение собственности феодалов, их убийство, коллективные на них нападения. Представители господствующего класса именовали эти преступления: «татьяба», «душегубство», «разбой». Кирилл Белозерский писал князю Андрею Дмитриевичу: «Тако же, господине, и разбоя бы и татбы в твоей вотчине не было. И аще не уймутся своего злаго дела, и ты их вели наказывати своим наказанием, чему будут достойни...».¹⁹ О «татбе» и «душегубстве» имеются сведения и в берестяных грамотах.

Грамота 297 представляет собой челобитье ключника или приказчика Сергия с братъею Михаилу Юрьевичу (сыну посадника Юрия Онцифоровича) с извещением о том, что произошла кража господского зерна: «Стог, господине, твой ржаньи цветверетьнѣ тати покрали, овинов пять свезли, в чѣи...». Перед нами случай коллективной татбы, о которой говорила еще Русская Правда: «Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун».²⁰ Псковская судная грамота включает кражу зерна в число преступлений, подсудных княжескому суду: «Се суд княжеи, ож клеть покрадут за

¹⁸ АСЭИ, т. III, стр. 16—17, № 5.

¹⁹ Там же, т. II, стр. 274, № 312.

²⁰ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 95, ст. 39.

зомком... или въ яме (очевидно, хлеб в яме) или скота украдают или сено сверху стога имать, то все суд княжон».²¹

О «татъбе» говорит и берестяная грамота 256: «...ци ерово крошено и тадби во пяре. Татбу свою 10 рублово на Григорици и...». Текст настолько отрывочный, что можно лишь сказать, что речь в нем идет о хищении хлеба.

В некоторых берестяных грамотах отражены случаи, когда «татъба» сопровождается «душегубством».

В берестяной грамоте 252 читаем: «(снох)у есть у мьнь убиле, а живото есть у мьнь розграбиле лезни мя в Плищь... и снохою и своим грабжьѣм поедѣм в город кун...». А. В. Арциховский указывает, что «Плищъ» — это, вероятно, название местности, ибо в новгородских писцовых книгах конца XV в. упомянуто несколько деревень по имени «Шлицово». Слово «лезни» А. В. Арциховский сопоставляет с встречающимся в старинных белорусских актах термином «лезные люди» — люди праздноватающие, не имеющие ни оседлости, ни занятий. Продолжая это сопоставление, мне кажется, можно сделать вывод, что «лезни», «лезные люди» — те же «попрошан», «попрашатаи», о которых говорят грамоты Северо-Восточной Руси, запрещающая им ходить по деревням и просить хлеба.²² Появившихся в каком-либо населенном пункте «попрошаев» («попрашатаев») предписывалось задерживать и отправлять к князю на суд.²³ «Попрашай», «лезни» — это, очевидно, крестьяне-бедняки, лишившиеся земли и не имевшие средств к существованию. Наличие таких социальных элементов в деревне особенно стало ощущаться землевладельцами и органами власти в XV—XVI вв., когда в процессе образования централизованного государства обострялись классовые противоречия и люди, не имевшие постоянного места жительства и занятий, казались опасными представителям господствующего класса.

По-видимому, в берестяной грамоте 252 речь идет о землевладельце новгородской местности Плищъ, у которого «лезни» убили сноху и забрали имущество. Можно думать, что это был акт классовой расправы. Не совсем понятна последняя фраза. Пострадавший собирается ехать в город, очевидно Новгород. Зачем? Может быть, на этот вопрос даст ответ статья Белозерской уставной грамоты 1488 г., говорящая о том, как поступать, если будет совершено убийство, а убийцу не найдут. «...А учинится душегубство в коем стану или в коен волости, а не доищутся душегубца, и они вини четыре рубли заплатят в стану или в волости, в коен душегубство учинилося; а доищутся душегубца, и они его дадут наместником или их тиуном, а хрестьяном в том продажи нет».²⁴ Можно полагать, что случай, предусмотренный Бело-

²¹ ПРП, вып. II, стр. 286, ст. 1.

²² АСЭИ, т. II, стр. 134, № 206, и т. III, стр. 94, № 61.

²³ Там же, т. III, стр. 50, № 27.

²⁴ Там же, стр. 39—40, № 22.

зерской уставной грамотой, как раз и произошел в Новгородской земле и его отразила берестяная грамота 252. Учинившие убийство и «грабеж» «лезни» скрылись, они не найдены. И вот пострадавший землевладелец едет в город, чтобы искать по суду «кун» с тех, кто обязан произвести розыск виновных и представить их в суд, а до этого уплатить «вину», — т. е. с жителей волости, где совершено преступление. Это предположительное, но, на наш взгляд, весьма правдоподобное объяснение смысла берестяной грамоты 252.

В грамоте 135 сказано: «Целобетье от Иева к Василью Игнатьву. Цо еси посла детину да седла да выжля, потому опознав да отадбели, а цо было живота твоего и моего, то все взяли, а самого смертью казнили. А нонеце, осподин, пецалесь детьме моими».²⁵

Неясны в данном тексте слова «выжля» и «отадбели». Можно согласиться с А. В. Арциховским, что первое слово означает «охотничья собака». Менее убедительны его соображения по поводу второго термина: он считает, что здесь допущена описка и следует читать не «отадбели», а «отбили». Ближе к истине чтение, предложенное Б. А. Рыбаковым: «о татбе ли». Однако мне представляется, что перед нами не три слова, а одно, причем это глагол «украли». Сходный термин (только в другой глагольной форме) встречаем в Псковской судной грамоте: «...изорничю брату, изорничю племяни государя не татбит ни лукошки, ни кадки...».²⁶

Общий смысл текста, по-видимому, таков. Иев сообщает Василью Игнатьеву, что посланный им на оседланном коне с собакой «детина» (какой-то зависимый человек) был по дороге задержан и убит, а находившееся при нем имущество двух лиц, которые ведут переписку, было у него отнято. Слова «смертью казнили» свидетельствуют, что произошло не просто убийство с целью грабежа, а имел место акт возмездия, расправы, наказания за какие-то преступления. В этом смысле выражение «казнили смертью» употребляется в новгородских летописях.²⁷ «Детину», очевидно, специально поджидали и «казнили», лишь «опознав», т. е. убедившись (по коню, седлу, собаке), что это он. Все изложенное говорит за то, что перед нами один из эпизодов классовой борьбы. Слуга, отправленный с господским поручением и имуществом, стал жертвой недовольства им или его господином со стороны людей, принадлежавших к другому социальному кругу, т. е. к феодально зависимому населению. Говоря языком феодаль-

²⁵ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), стр. 75, № 135.

²⁶ ПРП, вып. II, стр. 297, ст. 86. См. также Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 39.

²⁷ НПЛ, стр. 392.

ного права того времени, произошли одновременно «душегубство» и «татьба».

Последнюю фразу текста А. В. Арциховский переводит: «А теперь, господин, печалься с детьми моими». Б. А. Рыбаков понимает интересующие нас слова иначе, он считает, что в конце грамоты имеется не обращение к адресату — «печалься» вместе с детьми автора письма, — а констатация печального положения его и его детей: «А нонече, господин, печаль с детьми моими». Думаю, что ни тот, ни другой перевод не передают правильно сути дела. В действительности в тексте не моральная сентенция, а просьба о правовой защите. Слова «А нонече осподин, пецалесь детьме моими» имеют такой же смысл, что и формула договора в кн. Василия Дмитриевича с в. кн. тверским Михаилом Александровичем около 1396 г.: «А отымет бог которого от нас, и вам, брате, печаловатися нашими кнегинами и нашими детми по животе по нашем».²⁸ Здесь «печаловаться» означает: взять под свой патронат, оборонять от попыток нарушить интересы подзащитных. Нечто подобное имеется в виду и в берестяной грамоте 135. Иев обращается к Василию Игнатьеву, вероятно более мощному феодалу, с просьбой защитить (возможно, возбудив иск в суде) интересы его детей, лишившихся имущества.

* *
*

Приведенный материал, несмотря на всю свою отрывочность, значительно восполняет наши сведения о социально-экономической истории XIV—XV вв. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что архив Мишиничей-Онцифоровичей XIV—XV вв. — это архив боярина Морозова XVII в. в миниатюре. Главным источником по социально-экономической истории XIV—XV вв. до настоящего времени были акты, относящиеся к землевладению. Теперь мы располагаем документами, рисующими воочию хозяйство. Летописи Великого Новгорода сохранили много сведений о городских движениях. Теперь в нашем распоряжении имеются новые данные о классовой борьбе в новгородской деревне.

²⁸ ДДГ, стр. 43, № 15.